

НЕУЧЕННАЯ «ДЕТАЛЬ»

Рисунок К. РОТОВА.

Московской выделки детали
 В Иркутск по воздуху летали.
 Там не учитывали ту
 «Деталь», что, странствуя на «ТУ»,
 Все эти мелкие детали
 Расходом крупным обрастали
 И... дорожали на лету!

КРОКОДИЛ

Диданги

(ГРУЗИНСКИЙ САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ)

в гостях у крокодила

Георгий ИВАНИШВИЛИ

ЛОНГИНОЗ-ПАША

Лонгинозу не было еще и двух месяцев, когда его подбородок уже украшала изящная эспаньолка. Конечно, борода в двухмесячном возрасте может показаться явлением странным. Поэтому я не стану откладывать объяснения. Дело в том, что Лонгинозом звали козленка. Так вздумалось хозяину его назвать. А поскольку у козленка вид был весьма величественный, к его имени хозяин прибавил титул паши, и появился в деревне сановитый Лонгиноз-паша.

Хозяин Лонгиноза, Габриел, очень любил животных, особенно тех, что могли принести ему прибыль, и к своему питомцу он относился с отеческой нежностью.

По утрам, когда Лонгиноз, мерно постукивая копытцами, покидал свой покой, Габриел встречал его лакомыми зелеными веточками.

— М-э-э!.. — блеял козленок, задирая вверх голову.

Но хозяин поднимал веточки выше, бедняжка Лонгиноз тянулся за ними и так, день за днем, постепенно научился стоять на задних ножках.

Здесь надо заметить, что Габриел занимал солидный пост в райисполкоме и к цирковым дрессировщикам никакого отношения не имел. Просто он любил своего козлика, а козлик любил зеленые веточки и, стремясь к ним, научился стоять на задних ножках. Но Габриел не останавливался на достигнутом. Он придумал оригинальный номер: когда Лонгиноз-паша становился на

задние ножки, Габриел перекидывал лакомую веточку через свое плечо. Лонгиноз следовал за нею, взбирался на спину хозяину и лишь получал свой завтрак.

Прошло немного времени, и козленок стал превращаться в козла. Теперь с ним возиться было уже не так занятно. Габриел решил отдать его для дальнейшего воспитания в один из ближайших подведомственных ему колхозов. Председателю колхоза он сказал:

— Там, где ты держишь своих коз, можешь держать и моего Лонгиноза. Корма особого ему не требуется. Что все у тебя едят, то будет и он есть. В общем, дорого тебе это не обойдется.

Председатель колхоза не решился ослушаться руководящего товарища из райисполкома, и в биографии Лонгиноза-паши открылась новая страница.

Все было бы хорошо, но вот до райисполкома дошли слухи, будто бы колхозный пастух, раздавая козам удары кнутом, особенно выделял Лонгиноза. Бедняге якобы ежедневно доставалось три солидных внеплановых удара. При этом пастух приговаривал:

— Это Лонгинозу, это паше, а это самому Габриелу.

Лонгиноз-паша блеял жалобным голосом, совсем не подобавшим его титулу. Наступили для козла черные дни.

Кто-то доложил обо всем этом Габриелу. Тот, даже не проверив, правильно ли это или нет, очень разгневался и стал ежедневно заглядывать к председателю колхоза с ревизией. В результате Лонгиноз перестал жалобно блеять, прибавил в весе целых шесть кило и обзавелся семейством в виде двух симпатичных козлят. (Правда, Лонгиноз-паша был особой мужского пола, но чего не сотворит чудесница-природа, когда нужно угодить начальству!)

Так проходили месяц за месяцем.

Однажды утром, когда стадо выгоняли из загона, Лонгиноз-паша увидел своего хозяина, который показывал колхоз незнакомому человеку. Завидев хозяина, Лонгиноз расчувствовался. От радости он забыл о дисциплине, оторвался от стада, заблеял и бросился к Габриелу. Кто-нибудь может подумать, что Габриел легкомысленно помахивал зеленой веточкой и это привлекло внимание Лонгиноза. Нет, в том-то и дело, что в руках у Габриела не было ничего. Просто Лонгиноз так умилился, увидя своего хозяина, что решил и без угощения проделать свой коронный номер.

Габриел в это время рассказывал:

— Мы увеличили поголовье колхозного стада. Мы оперативно руководим колхозами нашего района...

Как раз в этот момент Лонгиноз-паша с разбегу вскочил хозяину на спину. Габриел в ужасе стряхнул козла, но тот, встав на задние ноги, повторил свой маневр.

— Ах да, я слышал! — сказал приезжий. — Мне рассказывали, как вы выдрессировали своего козленка. Так, значит, это и есть ваш знаменитый Лонгиноз-паша?

Габриел чуть было не признался. Но вовремя вспомнил, что Лонгиноз-то выбежал из колхозного загона. А приезжий человек был представителем из столицы республики. И Габриелу, конечно, не хотелось, чтобы столичный гость узнал, что районный работник выкармливает своего козла в колхозном стаде. Габриелу пришлось отмежеваться от своего Лонгиноза.

— Что вы? Я его первый раз вижу, — запротестовал он и стал удирать от непомерно нежного животного. Но Лонгиноз, решив, что хозяин с ним играет, помчался за Габриелом и снова вскочил к нему на спину.

— Очень резвый козел, — с улыбкой сказал представитель, — и такой упитанный! — И добавил, украдкой поглядев на Габриела: — Из него должен получиться отличный шашлык...

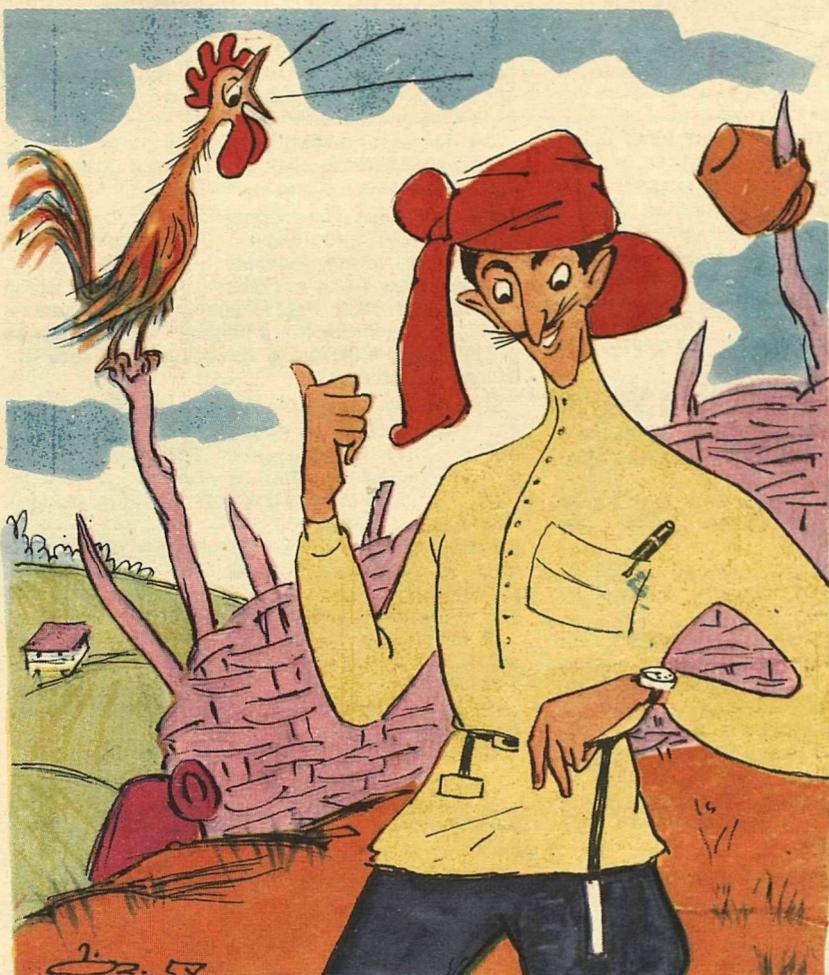
Это было воспринято как руководящее указание. Лонгиноза-пашу поймали, обезглавили на глазах у несчастного Габриела, и через час на столе появился прекрасный шашлык. Однако товарищ из столицы не стал дожидаться. Он уехал чуть раньше, предоставив Габриелу угощать шашлыком колхозников, которые, таким образом, не зря потратили силы на выкармливание чужого козленка.

Так Лонгиноз-паша по собственной наивности лишился головы. Его хозяину, конечно, голову не сняли, но говорят, что с тех пор он в районе уже не голова...

Рисунок Д. ЛОЛУА.

— Просто обидно: такой крупный парень, а попал за мелкое хулиганство!

— Этого петуха придется резать: на сорок минут отстаёт.

— Джульетта! Ты надела пальто вверх ногами!
— Нет, милая, это ты надела пальто вниз головой!

3. КУХИАНИДЗЕ

ПАРСАДАН

Крылов и читатели

Случилось, что в лесу
дремучем и суровом
Нашли зверюшки басни,
сочиненные Крыловым.
Ворона, как на грех,
открыла ту страницу,
Где высмеял Крылов
ворону и лисицу.
Ворона каркнула:
— Жизнь надо знать поэту!
Таких ворон
уже давно в природе нету.
Правдиво здесь написано
лишь про лису,
Ее характерец
известен всем в лесу...
Тогда взяла лиса
отброшенную книжку,
Попалась басня ей
«Лиса и виноград».
Лисица взвизгнула:
— Хватил тут автор лишку!
Здесь про лисиц все бред, все невопад,
Но в басне есть одна правдивая тирада,
Та, где отмечена незрелость винограда.
Затем по очереди
все, кто был при этом,
Прочли в свой адрес басни,
возмутясь поэтом.
Ведь ни могучий лев,
ни крохотный сурок
Себя узнать в стихах не смог...

* * *

Понаблюдай, читатель, как твои соседи
Глодают утром с чаем фельетон в газете.
Сосед твердит, что вывели тебя на белый свет,
А ты уверен, что попался твой сосед...

ИСТОРИЯ С ХОЛОДИЛЬНИКОМ

Лето началось для меня очень удачно. Я купил холодильник. Проводив семью на дачу, я остался на попечении моего нового друга. Прохлада, заключенная в белом уютном шкафу, избавляла меня от многих забот, сопутствующих одиноким мужьям в летний зной. Я благословлял изобретателей, благодаря которым имел дома всегда свежие продукты, а мои соседи благословляли мою настойчивость и энергию, благодаря которым я раздобыл этот замечательный холодильник. Он стоял теперь у меня на третьем этаже, вызывая восхищение и радость всего двора.

— Человек с твоим сердцем, Мелитон,— говорили мне соседи при встрече,— делается истинным благодетелем окружающих. Как ты нас выручил этим летом, приобретя такой замечательный аппарат! Теперь мы жару совсем не чувствуем. Провизия у нас никогда не портится. Ты просто золото, наш Мелитончик!

— Дядя Мелитон, мама велела, чтобы вы, уходя на работу, не закрывали квартиру: она пожарила утку и хочет спрятать к вам в холодильник.

— Мелитон Платоныч, хвала твоему холодильнику! Положи, пожалуйста, в него эти дыни и «Хванчкар»у. Вечером гости придут...

— Мелитон, дорогой, от твоей рыбы и от «сациви» не перейдет запах на мой торт? А то, может быть, вынешь на время?..

Вот примерно среди каких просьб, советов и комплиментов провел я свое лето. В доме кипела жизнь, лето было на исходе, а дверь моей квартиры никогда не закрывалась: ведь холодильник мог в любую минуту понадобиться соседям.

Как возвышает человека добро, оказываемое ближнему! Я бы, наверно, до самого конца лета оставался в своем ореоле, если бы

не один курьезный эпизод, который уронил меня в глазах благодарных соседей.

Случилось это так: моя жена, возвратившись с дачи раньше предполагаемого срока, пригласила в дом новых друзей, с которыми познакомилась на отдыхе. Я в этот день был на футболе. Моя соседка в ожидании своих гостей по обыкновению заполнила холодильник разными вкусными предметами собственной кулинарии и уехала прокатиться на Тбилисское море.

Моя супруга открыла холодильник и просто даже растрогалась. Что ни говорите, а как приятно, когда муж так внимателен. Проведав откуда-то о ее приезде, он все приготовил к приему ее новых друзей.

Жена накрыла на стол, выложила на тарелки все содержимое холодильника и начала радушно угощать гостей. Когда я вернулся домой, веселье было в полном разгаре. Я обомлел. Жена с гордостью представила меня своим новым друзьям. Они оказались москвичами, проводившими отпуск на даче под Тбилиси. Они от души благодарили меня за такое внимание и пригласили обязательно побывать у них в Москве. Оказывается, они сегодня уезжали. Билеты были у них на вечерний поезд, и, боясь опоздать, они своевременно покинули мой дом... Своевременно, потому что с минуты на минуту могла возвратиться с пляжа соседка.

Представить все, что произошло, когда вернулась соседка, пусть тебе поможет твоя фантазия, дорогой Парсадан,— закончил рассказ мой старый друг Мелитон.— С тех пор соседи больше не заикаются о моем благородстве, но... нет худа без добра: теперь я могу хоть иногда и сам пользоваться своим холодильником.

Стелная Звиль

Директор совхоза пожал плечами, сказал: — Нам это вроде ни к чему, — и передал присланную накладную инженеру.

Тот прочитал, подумал и молвил: — Действительно, это нам нужно, как рыбке зонтик!

А главбух повертел накладную в руках и сказал:

— Ничего не попишешь, денежки-то у нас уже списали. Будем жаловаться в арбитраж, а пока я отнесу...

И отнес сто двадцать пять тысяч рублей на баланс, найдя соответствующее место в статье «пассив».

Так по наряду из Алма-Аты в целинном совхозе «Красный партизан», расположенном в степи, ровной, как стол, было получено десять диковинных для здешних мест машин! Именуется такая машина фрезой болотной. Служит она, как легко можно догадаться по названию, для мелиорации заболоченных земель и стоит двенадцать с половиной тысяч.

Дальнейшие события, имевшие место в совхозе «Красный партизан», не представляют для читателя особого интереса. Ввиду отсутствия на территории совхоза топей и болот означенные фрезы так и остались лежать в тупике маленькой железнодорожной станции.

И никого это не взволновало. До фрезы ли болотной министру сельского хозяйства республики тов. Рогинцу, когда в Таласском караку-

леводческом совхозе оказалось ненужной техники на миллион триста семьдесят пять тысяч рублей? А на другом краю Казахстана, в Кокчетавской области, в Кызылтуском совхозе, числится излишних машин тоже больше чем на миллион рублей. Среди них три десятка комбайнов, несколько десятков стогометателей, тринадцать зерноочистительных машин, и прочая, и прочая. Директор совхоза тов. Беляев безуспешно доказывает, что эти машины ему абсолютно не нужны и попали в Кызылтускую степь по недосмотру.

Далекому Сарысуйскому совхозу, где разводят каракульских овец, завезли двадцать четыре комбайна и картофелесажалку. В связи с этим произошла радиоперекличка между совхозом и министерством.

СОВХОЗ. Помилуйте, зачем нам это? Хлеба мы не сеем, картофеля не сажаем. Песок у нас кругом. Овцы у нас.

МИНИСТЕРСТВО. Алло! Плохо слышно. Да, да, деньги с вас уже списаны, можете не волноваться.

Долго терпели директора казахстанских совхозов, относили на тощие свои балансы фрезы болотные, опрыскиватели, стогометатели, навозоразбрасыватели, локомобили и прочую технику, которая им никогда в жизни не понадобится. Платили, разумеется, денежки, чтоб ненароком не нажить беды. А недавно на республиканском совещании директора вдруг потребовали от Министерства сельского хо-

зяйства республики избавиться их от ненужных машин, «разморозить» сотни миллионов рублей. Эти требования имели далеко идущие последствия. Они заставили заместителя министра сельского хозяйства республики тов. Баранова вызвать начальника планово-экономического управления тов. Соколова и дать тому такое конкретное указание:

— Было бы целесообразно дать совхозам и МТС какую-либо форму отчетности по этому вопросу и спустить соответствующую директиву.

Директива была составлена, помечена датой «14 января 1958 года», снабжена исходящим номером и доставлена в планово-экономическое управление, в комнату напротив кабинета заместителя министра.

Других последствий требования директоров совхозов пока не вызвали.

Вскоре из Соловьевского зерносовхоза, что в Восточно-Казахстанской области, от директора А. Сулимы-Груздинского пришло письмо. Директор запрашивал министра, как быть с поступившими к нему в совхоз капустоуборочным и картофелеуборочным комбайнами, с рассадопосадочной машиной и машиной для изготовления торфоперегонных горшочков.

В конце письма А. Сулима-Груздинский уведомлял, что совхоз его зерновой, расположен в гористой местности, капусты и картофеля не сажает и с этими машинами ничего поделаться не может.

В самом деле, что тут можно поделаться?

Н. ЗВЕРЕВ

г. Алма-Ата.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

ЧУДЕСА ПЛАНИРОВАНИЯ

— Алло! Ташкент! Не попали ли к вам олени упряжки! Мы бы вам хлопкоуборочные комбайны переслали.

ВМЕСТО «ДОБРОГО УТРА»

Дмитрий Яковлевич Пискарев никогда не говорил сослуживцам «здравствуйте», «до свидания». Никогда не называл их по имени-отчеству. Товарищей, работавших рядом с ним, старший инженер различал по кличкам и прозвищам.

Каждый разговор с Пискаревым был для человека унижением. Но Дмитрий Яковлевич не только унижал, он держал работников своей конторы в постоянно взвинченном состоянии. Порой и повода нет никакого, а Дмитрий Яковлевич бранится, сквернословит, ищет скандала.

Одна вздорная, склочная тетка из Черкизова говорила как-то, оправдываясь в редакции:

— Мне без скандалов никак нельзя. Если я не буду шуметь, ругаться, мне кровь в голову ударит.

Появляясь на кухне, эта тетка вместо «доброе утро» говорила соседям: «Будьте вы прокляты».

Так в той несчастной черкизовской квартире начинался каждый новый день.

Дмитрий Яковлевич Пискарев шумит-кричит не на коммунальной кухне. Его брань разносится по комнатам и этажам большого уважаемого учреждения. А брань эта как от плохого характера, так и от невежества Дмитрия Яковлевича. Пойдет, скажем, кто-либо из сослуживцев к старшему инженеру за советом:

— Дмитрий Яковлевич, и научите, как быть, что делать.

А Дмитрий Яковлевич — инженер лишь по должности. Он вместо того, чтобы объяснить, начинает кричать.

Бывает, конечно, что человек не знает какого-то вопроса, так он посоветуется с кем нужно, заглянет в книжки... Но читать книжки Пискареву мешает зазнайство. Старшему инженеру легче оскорбить, чем пойти к знающему человеку проконсультироваться. Так стряпается очередной скандал. Вина с больной головы перекладывается на здоровую:

— Не учи! Бронтозавры! Распеку! Разгоню!

Недавно старший инженер грубо оскорбил скромную сотрудницу, немолодую уже женщину, мать семейства.

За мать семейства вступился директор конторы Черкасов. Пискарев на дыбы:

— Вы что, учить меня? Трам-тарарам-тарарам!

А у Черкасова больное сердце. Ему от ругани и крика сделалось плохо. (Кстати, предыдущего директора Пискарев довел до инфаркта.) Сотрудники бегут к Черкасову с водой, валерьянкой, а Пискарев и по их адресу пускает длиннейшую очередь из своего зоологического набора:

— Тарарам-тарарам!

Врио председателя «Востокинторга» Новиков выносит Пискареву выговор. Дмитрий Яковлевич немедленно строчит жалобу на имя заместителя министра внешней торговли.

— Отмените выговор. Я выражаю недоверие Новикову.

Заместитель министра направляет заявление Пискарева в комиссию по трудовым спорам. Комиссия быстро разобралась в деле, и, конечно, не в пользу Пискарева. Пискарев тут же делает отвод председателю комиссии:

— Я выражаю недоверие Майлову.

Председателем комиссии назначается Лизин. Пискарев делает отвод и ему. На место Лизина выдвигается Гудков. А Пискарев выражает недоверие и Гудкову. Старшего инженера вызывают на заседание месткома. Он не идет. Его припашают на партсобрание, а он издевательски отвечает:

— Я собираюсь выступить на собрании с четырехчасовой речью, а для этого нужно подготовить горло. Осмотреть его, смазать.

Собрание откладывается на неделю. Пискарев отказывается прийти и на этот раз.

— Не могу, — говорит он и показывает на кадык. — Першит.

— Хорошо, мы проведем собрание без вас.

— Только попробуйте!

Год или два назад секретарь не посчитался с такой угрозой и поплотился. Старший инженер месяца три мучил потом секретаря. Он не только таскал его по разным партийным инстанциям, но и подал на секретаря заявление в суд.

— Накажите его. Он нарушает Устав партии.

Судья объяснил Пискареву, что суд не занимается разбором внутрипартийных дел.

— Хорошо, — быстро перестроился Пискарев. — Тогда судите его не как секретаря, а как частное лицо. Он пытался критиковать мое поведение на заседании бюро.

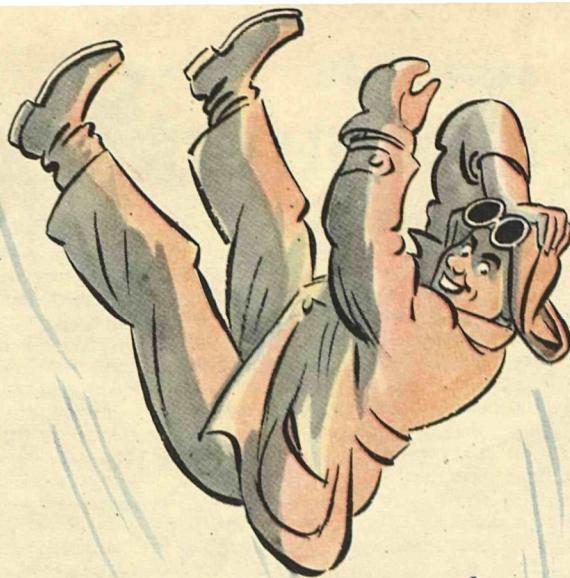
Мы говорили со многими сотрудниками «Востокинторга», и почти никто не сказал о Пискареве доброго слова. Пискарева не любили так же сильно и так же дружно и во всех других учреждениях, где он работал прежде. Мы листаем послужной список старшего инженера, и везде одно и то же. Везде его обвиняли в одних и тех же грехах. Лодырь, невежда, сквернослов. За свое безобразное поведение Пискарев получал серьезные взыскания. Два раза его исключали из партии и два раза восстанавливали, в надежде, что он исправится. Старший инженер был уже по требованию общественных организаций, и не единожды, на грани увольнения, но всегда в последний момент следовало распоряжение какого-нибудь из зам. министров, и Пискарев оставался на прежнем месте.

— Как? Почему?

— А вы разве не догадываетесь? — спрашивают нас. — От Пискарева неспроста хотят избавиться в «Востокинторге». Это месть за его смелые выступления.

— Какие выступления вы имеете в виду?

— Ну, это как раз общеизвестно. Пискарев публично назвал директора конторы бревном и клистирной трубкой.

Случай, когда депутат оторвался от масс...

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Ну, знаете ли!..

— А вы что, против критики?

— Я против хамства.

— О... о, у вас серьезное недопонимание вопроса! — вмешивается в разговор Пискарев и добавляет: — Вот если бы директор конторы, как вышестоящий по должности, назвал бы меня бревном и клистирной трубкой, это, правильно, было бы хамством и безобразием. А когда я, нижестоящий, обзываю вышестоящего, то это не хамство, а критика.

Пискарев сделал грубость нормой своего поведения. Он не первый год уже выдает уличную брань за критику. Причем грубит и оскорбляет Пискарев главным образом тихих, безобидных работников. С начальством же Дмитрий Яковлевич приторно сладок. Он имел даже строгое партийное взыскание за подхалимство. Однако Пискарев угодлив к вышестоящим товарищам только до тех пор, пока вышестоящий не потребует с него работы. А достаточно было, например, начальнику конторы вынести выговор старшему инженеру, как старший инженер тут же облил его грязью.

— А как же иначе? — говорит Пискарев. — Критика.

Неумные люди создали склочнику и сквернослову репутацию смелого человека, и зря. Оскорбить товарища по работе, унижить его достоинство — это не смелость, а преступление, за которое виновника нужно судить как за самое злостное хулиганство.

Сем. НАРИНЬЯНИ

ЗИМНИЕ КАРТИНКИ

ТРУДОВОЙ КОНЕДЕНЬ

По улицам города Горького важно и медленно шагает в упряжке рослый, могучий жеребец. Он везет сани. На санях «груз»: маленький и даже вовсе пустяковый ящик со снегом и мусором. Восседающий впереди ящика престарелый возница лениво перебирает вожжи и время от времени покрикивает ворчливым голосом:

— Н-но, ты! Транспортная единица городского треста очистки! Разъелся, дьявол, на легкой работенке!

Конь издает громкое, протяжное фырканье. В переводе с лошадиного языка это

означает: «А ты думаешь, мне самому приятно даром овес жрать?»

Влекомый мощной конной тягой, миниатюрный ящик выезжает за город и берет курс на свалку, до которой еще добрых пять километров. На четвертом километре глубоко задумавшийся возница оглядывается назад и рывком натягивает вожжи.

— Тпру! — говорит он. — Заворачивай обратно, уже разгрузились! Ну до чего же это сыпучее вещество — снег да мусор! Такое вещество в дырявой таре возить — все одно что воду решетом таскать. Н-но, милый!

По правде говоря, в этой красочной зим-

ней картинке нет ничего удивительного: ведь городской трест очистки отчитывается не за количество перевезенного снега и мусора, а... за количество конедней.

Вот и прикиньте, что эффективнее «очищает» при такой ситуации каждая конедница: городские улицы и дворы или же кассу горисполкома? Овес-то ноне почему?..

К ШАПОЧНОМУ РАЗДОРУ

Жители города Демидова, что на Смоленщине, имеют скверную привычку: все они носят зимой шубы, шапки, всякие там кашне и даже варежки. И эта ненормальность доставляет массу неприятностей директору местного Дома культуры Л. П. Чистяковой.

Вот, значит, приходят посетители на какое-нибудь культурное мероприятие с танцами. Уж, кажется, пора бы им привыкнуть к тому, что такой роскоши, как гардероб, в Доме культуры не имеется, а есть только пустая комната, теоретически предназначенная для гардероба. Так нет, ничем не желают привыкать! И, сваливая в опромную кучу свою разнообразную верхнюю одежду, они громко докучают директору однообразными стонами и жалобами: дескать, это гроб, а не гардероб! Доколе будет продолжаться такое бескультурье в Доме культуры?!

Но самые драматические сцены происходят после окончания очередного культурного мероприятия, когда его участники слетаются в этот самый гардероб, как здесь говорят, «к шапочному раздору». Шумные археологические раскопки то и дело прерываются возгласами отчаяния:

— Караул! Где мой шарф и варежки?

— Братцы, голубчики, не видал кто-нибудь пыжиковую ушанку с надорванным левым ухом?

И нередко какой-нибудь несчастливец уныло трусит по морозу домой, прикрывая свою горькую головушку руками или свежим номером районной газеты.

Директор Дома культуры Л. П. Чистякова мужественно переносит все эти неприятности. Она терпеливо ждет лета — прекрасного сезона цветов, легких платьев и пустующих гардеробных вешалок...

МАЛЕНЬКИХ ОБИЖАЮТ

— Смотри, папа! — жалобно сказала маленькая Людочка. — У меня коньки закудрявились.

Папа взял коньки «снегурки», купленные накануне в большом московском универсаме на Добрынинской площади, и поразился меткости детского словотворчества. После десятиминутного катания симпатичные «снегурки» действительно «закудрявились»: их блестящее никелевое покрытие непостижимым образом превратилось в странную смесь из серых лишайев и колочих металлических заусенцев.

— М-да, — сказал папа, задумчиво изучая фабричную марку. — «Московский завод коньков № 2». Первый сорт... Очевидно, дружок, эти первосортные «снегурки» боятся холода.

А пока Людочка практически знакомится с новым для нее словом «брак», далеко от Москвы, в городе Крустпилсе, не один ее сверстник обливаешь горячими слезами родительский подарок — новенькие лыжи мукачевского артельного происхождения. Да, увы! Ими можно только любоваться, но ходить на них нельзя: эти прелестные изделия продаются в первоизданно голом виде, без креплений и резиновых прокладок, не говоря уже о палках.

— Ничего не поделаешь, сынок, — говорит сконфуженный родитель после долгих и тщетных скитаний по магазинам. — Это называется некомплектная продукция.

А за окном блестит, переливается под солнцем свежий снежок. Встать бы сейчас малышам на «комплектную продукцию», использовать хоть последние лыжные недельки... Полноте! Неужели здоровые, взрослые бракоделы тоже когда-то были невинными детьми?!

М. ЛЬВОВ

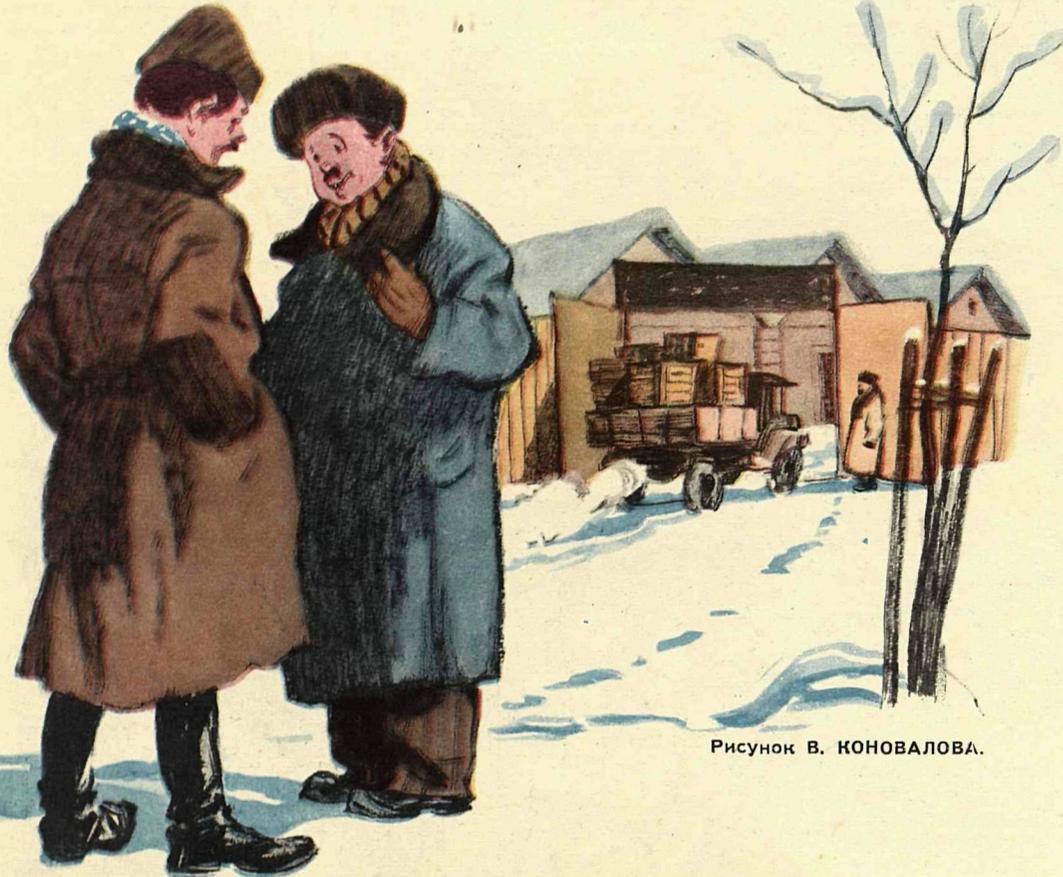

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

- Должи сырью, у тебя ведь на десять лет припасено.
- Откуда ты знаешь!
- Так я же запасал, когда был здесь директором.

Рисунок М. СОКОЛОВА.

— Обязывают проявлять чуткость...
На кого бы это возложить?..

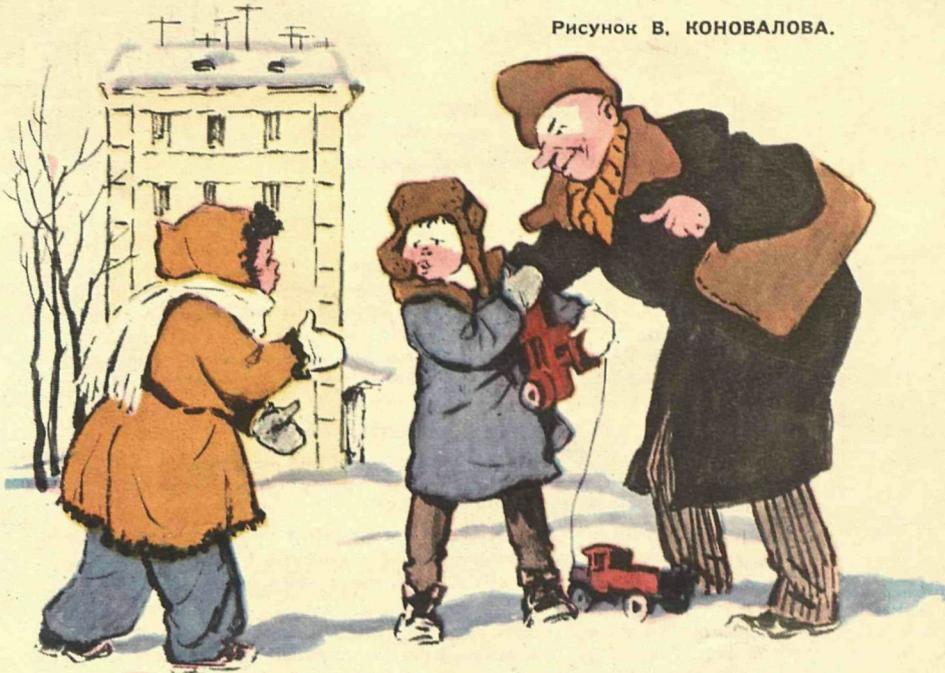

Басни

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Назначили Топтыгина
в периферийный лес.
Супруга заявила наотрез:
— Отсюда я ни шагу никуда!
Запомни это раз и навсегда.
Здесь пережду лихую пору,
Авось, опять пойдешь ты,
Миша, в гору.
Ведь, главное, потом
Такой берлоги не найдем...
Медведь — в дорогу,
Лишних слов не тратя.
Жена осталась.
Что же в результате!
Берлогу сберегла она,
А у Медведя новая жена.

— Этой девочке машину не давай: она не из нашего совнархоза.

СВОЯ ТОЧКА
ЗРЕНИЯ

Казалось Раку все наоборот:
Все пятаются назад,
Лишь он идет
Вперед.

СЕРЕНАДА СПЕКУЛЯНТА

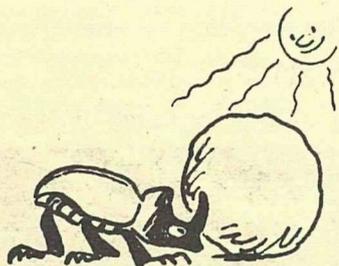
Рисунок Е. ГОРОХОВА.

ЖУК И СОЛНЦЕ

Старательно в навозе рылся
Жук,
Не замечая ничего вокруг.
Сложилась у него теория
простая,
Что солнце —
Это выдумка пустая.

г. Чебоксары.

ПОТРОХА КАПИТАНА ПЕРЕЦА

Английский драматург Джон Флетчер, по свидетельству современников, любил работать в соавторстве с друзьями по перу. Говорили, что и сам великий Шекспир дружил с Флетчером на почве драматургии.

Учтя склонность автора пьес «Испанский священник», «Как управлять женой» и многих других к коллективному труду, актер Норильского драматического театра И. Л. Розовский решил разделить все трудности славы с Джоном Флетчером.

Норильский служитель Мельпомены в пьесе «Как управлять женой» вписал песенки собственного производства.

Дирекция и художественное руководство театра одобрили и материально подкрепили план улучшения драматургии Флетчера. И вот герои его пьесы запели. Поют все. Поет леди Маргарита:

Я, леди Маргарита,
Вдова еще пока (?),
Похоронила мужа
Я, злого старика...

Поет сам милорд:

Я милорд — полковник,
Известный господин,
Терпеть я не могу
Простолюдин (!).

В пьесе И. Л. Розовский играет роль капитана Переца. Для своего героя он не пожалел красок:

Я Перец, я Перчик,
Я храбрый капитан,
Люблю красивых женщин,
Бываю часто пьян.
Клянусь я потрохами:
Хочу спокойно жить,
Найти вдову с деньгами,
Сладко есть и пить.

Как известно из пьесы Д. Флетчера, фортуна не улыбнулась капитану Перецу. Богатая вдова ускользнула от него.

Учтя печальный опыт Переца, И. Л. Розовский в поисках жизненных благ пошел по иному пути.

Получив первую мзду за приведенные выше вирши, «соавтор» Флетчера обратился во Всесоюзное управление по охране авторских прав с требованием зарегистрировать образцы его творчества и взыскивать за их исполнение авторский гонорар с каждого спектакля, дабы он, собрат капитана Переца, мог до конца дней своих «сладко есть и пить».

В. ПУХНАЧЕВ

Накинув плащ, с цигейкой под полою...

Неопубликованные записки
доктора Ватсона

1

Поднимаясь по знакомой лестнице дома номер пятьдесят четыре на Бейкер-стрит, я, признаюсь честно, несколько волновался. Еще бы! Я не видел своего друга целую вечность.

— А, это вы, Ватсон! — сказал Холмс, вынимая изо рта неизменную трубку и окидывая меня своим цепким взглядом. — Значит, на улице идет снег?

— Боже мой, как вы могли догадаться об этом?

— Небольшая цепь умозаключений, которая начинается с того, что ваша шляпа и пальто покрыты снегом. Кроме того, через окно также видно, что на улице идет мокрый снег.

— Потрясающе! — с энтузиазмом воскликнул я. — Чем больше я вас знаю, тем больше восхищаюсь стальной логикой вашего ума.

— Метод... — пожал плечами Холмс. — Угадываете, куда мы сегодня отправляемся?

Я тотчас мобилизовал все свои аналитические способности. Я пересчитал все волосы на голове у друга, осмотрел при помощи лупы изрядное количество пыли на полу и мебели, но не нашел ничего, что указывало бы на предстоящий маршрут.

— Ах, доктор, доктор, когда вы наконец научитесь методу индукции? А ведь это так просто! На столе лежат два билета на самолет. Стоило бы только взглянуть на них, как вы бы увидели, что мы летим в Соединенные Штаты Америки.

— Ах, я, старый осел!

— Утверждение, которое нелегко опровергнуть. — Холмс саркастически выпустил огромный клуб дыма. — Итак, через два часа мы летим, и над Атлантическим океаном я расскажу вам о цели нашего путешествия.

— Нужно заказать кеб.

— Увы, сегодня началась забастовка водителей такси.

— А из-за чего? — спросил я.

— Все то же! — махнул рукой великий сыщик. — Протест против роста цен и против гонки вооружений.

— Откуда только вы все это знаете?

— Нужно читать газеты, мой друг. Сейчас приедет машина одного моего клиента, который подвезет нас в аэропорт...

2

— Итак, дорогой Ватсон, вы, наверное, читали в газетах, что утром двадцать пятого января этого года крупный финансист и председатель железнодорожной компании «Нью-Йорк сентрал рейлроуд» Роберт Янг застрелился из ружья в бильярдной своего двадцатипятикомнатного особняка. Нам с вами предстоит выяснить причины этого самоубийства...

Глядя на орлиный профиль своего друга, удобно откинувшегося в мягком кресле огромного самолета, я и представить себе не мог, какие тяжкие испытания ожидают нас впереди...

3

Прошло уже больше недели после нашего приезда в Америку. Целыми днями мы пропадали на бирже, в конторах различных компаний и маклеров, беседовали с экономистами и железнодорожными служащими, прочитали кипы газет и журналов.

Теперь Шерлок Холмс полулежал на диване в нашем номере на двадцать седьмом этаже и курил. Его узкое, сухое лицо изобличало напряженную работу мысли. Я почти физически ощущал, как его мозг молниеносно переваривает тысячи фактов и цифр, сопоставляя их, отбрасывая и снова сопоставляя. Он работал, как электронно-счетная машина.

Шли часы. Синеватые табачные сумерки наполнили номер, а сыщик все курил и курил.

Наконец он вынул изо рта трубку.

— Все ясно, — сказал он. — Роберт Янг разорился. Его подкосил начавшийся кризис.

— Но как вы пришли к такому заключению? — с лихорадочным нетерпением спросил я. — Ведь вся американская печать утверждает, что причиной столь трагического конца было лишь скверное состояние здоровья Янга.

— Видите ли, дорогой доктор, газетам легче признать, что болезнь поразила одного финансиста, а не всю экономику Соединенных Штатов. Ведь за последний год в этой стране производство стали упало на тридцать восемь процентов, автомобилей — на семнадцать, число обанкротившихся фирм выросло на двадцать семь процентов. Количество безработных достигло пяти миллионов человек. Причем особенно пострадали железные дороги. Акции их стоят сейчас лишь половину того, что Янг платил за них в 1954 году. Это и доконало его. Для того, чтобы рассчитаться с банками, он вынужден был продать почти все акции, благо еще нашлись покупатели. Он просто-напросто разорился и решил отправиться на тот свет, где котировка акций, как известно, более устойчива, чем в стране, стоящей на пороге кризиса.

Шерлок Холмс замолчал, погруженный в думы...

4

В два часа ночи нас разбудил сильный стук в дверь. В одной пижаме, с пистолетом в руке Холмс бросился к двери и открыл ее. На пороге стояли два человека.

— Мистер Шерлок Холмс из Англии? Доктор Ватсон?

Мы оба кивнули.

— Вы арестованы по обвинению в распускании панических слухов с целью подрыва нашей свободной экономики.

— Это ошибка, — усмехнулся Холмс. — Миллионы читателей прекрасно знают, что я всего лишь скромный детектив. Я анализирую факты, ищу ключи и нити, строю умозаключения и распутываю преступления.

— Не морочьте нам голову, мистер Холмс! Не позднее чем вчера вечером вы утверждали, что Соединенные Штаты охватывает кризис. Не отпирайтесь. У нас есть доказательства посильнее, чем ваша там индукция. В номере стоит диктофон, и вся ваша коммунистическая пропаганда записана на пленку.

— Позвольте... — начал было Холмс, но стальные браслеты уже щелкнули на его запястьях.

— Не позволим. Разговоры о кризисе — это коммунистическая пропаганда.

5

Когда нас выслали из Соединенных Штатов, Холмс долго не мог прийти в себя.

— Дорогой Ватсон, — сказал он как-то мне. — Насколько все-таки приятнее было иметь дело с собакой Баскервиллей или с убийцей из «Знака четырех», чем с американским ФБР!

На этот раз я не стал спрашивать, как мой друг пришел к такому умозаключению. Я сам пришел к тому же.

НОЧНОЙ НЬЮ-ЙОРК

Рисунок С. ЧИСТЯКОВА.

— Ну что ты перед каждой афишей руки поднимаешь! Нельзя быть таким нервным!

Лев СЛАВИН

АДВОКАТЫ ПРИЗРАКОВ

Некий благочестивый американец задал вопрос одному видному священнику:

— Молитесь ли вы за членов конгресса?

Служитель церкви вздохнул и ответил:

— Я смотрю на членов конгресса и молюсь за страну.

Если этому священнику случилось недавно слушать выступление нескольких конгрессменов, обратившихся по радио к народам Советского Союза, он должен был почувствовать новый прилив горячего желания помолиться за свою страну.

Некоторые из выступавших джентльменов, как, например, сенатор Уильям Ноулэнд, принадлежат к республиканской партии. Другие, как сенатор Линдон Б. Джонсон, — к демократической партии. Но отличить их друг от друга, как всегда, трудно. Такую попытку предпринял в свое время Марк Твен, который писал:

«Демократическая партия состоит из сумасшедших, но никто из членов демократической партии об этом не знает. Зато это знают республиканцы. Все республиканцы сумасшедшие, но об этом знают только демократы».

В этой правде, конечно, есть сатирическое преувеличение. Но надо сказать, что содержание упомянутой радиопередачи до того фантастично, что поначалу трудно принять ее всерьез: кажется, что это не более чем цветы старого доброго англосаксонского юмора.

Достопочтенные сенаторы, если цитировать дословно сообщение агентства Ассошиэтед Пресс, «выразили русскому народу сожаление по поводу 40-й годовщины разгона русского учредительного собрания». К этому они прибавляют несколько советов, как мы, советские люди, должны вести себя, чтобы заслужить высочайшее одобрение мистера Ноулэнда и его коллег.

Нам нужно сделать изрядное усилие, чтобы вспомнить учредительное собрание, это мертворожденное детище керенщины, это сборище политических призраков, эту тщедушную эсеровскую эфемеру, сметенную исполкинским ураганом великой пролетарской революции.

Но что, собственно, побудило компанию американских конгрессменов обратиться к нашему народу с непрошеными советами?

Никто, разумеется, не ждал от этих господ государственной мудрости Джорджа Вашингтона или Авраама Линкольна. Но элементарное чувство приличия должно было удерживать этих пожилых людей от такого, мягко выражаясь, шутовского выкрутаса. А впрочем, к чему выражаться мягко? Радиовыходка американских сенаторов вполне заслуживает более твердого определения. В частной жизни такой поступок называется наглостью. В политической — тоже. Мелкие вашингтонские «пекуны» осмеливаются читать нотации огромному героическому народу. По-видимому, расстройство зрения у этих господ достигло такой степени, что они уже не отличают СССР от Гватемалы.

К этому политическому ухарству присоединил свой могучий дискант некто Максвелл Андерсон, сливающий драматургом. Он тоже горько всплакнул о судьбе учредилки. Можно было бы посоветовать этому развязному малому обратить свои сердобольные взоры на собственную страну, о которой другой и несравненно более известный драматург, Бернард Шоу, сказал:

«Я опасюсь ехать в Америку. Я, правда, считаю мастером классической иронии, но боюсь, что даже я не смогу перенести вида статуи Свободы».

Мы с уважением относимся к памяти покойного американского президента Франклина Рузвельта. Но мы не ощущаем никакой потребности в поучениях его вдовы. Тем более,

Рисунок А. КРЫЛОВА
по теме К. Томазо (г. Таганрог).

ЛОНДОНСКИЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ПРАВИЛАМ УЛИЧНОГО ДВИЖЕНИЯ.

что госпожа Рузвельт, которая драматически болтала по радио о «русской демократии», могла бы обратиться к объекту поближе, например, к миллионам американских негров, которые до сих пор не могут воспользоваться благами демократических свобод, провозглашенных Томасом Джефферсоном в американской конституции. Или почему бы ей не заняться устройством на работу пяти миллионов безработных? Или не обратить свой гражданский гнев против травли прогрессивных деятелей культуры, в результате которой, например, великий американский артист Чарли Чаплин бежал из своей страны? Покинув Америку, он заявил с горькой иронией:

«Я глубоко уважаю китайцев... Они первые изобрели компас, но воздержались от открытия Америки».

В том же своем выступлении миссис Рузвельт возвещает, что лишь «возрождение русской демократии... даст советскому народу возможность выразить свое стремление к миру».

Конечно, можно не заметить даже Ниагару. Для этого достаточно зажмурить глаза и заткнуть уши. Но такой способ отрицания действительности имеет один порок: Ниагару-то не видит только тот, кто не хочет ее видеть!

Кем бы ни были антисоветские клеветники — профессионалами или любителями, — прием работы у них, в общем, один и тот же: ложь. Ежедневная, тупая, унылая, наглая ложь... Но, как известно, еще ни одна ложь от частого повторения не стала правдой.

Заокеанские политиканы претендуют на то, чтобы стать наставниками нашего народа. С той невинной ясностью во взоре, какая свойственна грудным младенцам и старым шулерам, они убеждают нас перестать быть гадкими коммунистическими сорванцами и сделаться наконец хорошими капиталистическими пай-мальчиками.

Они забывают, что советский народ не нуждается в гувернантках. Даже со знанием английского языка.

И если сенатор Ноулэнд фальшиво бубнит о «надежде на будущее, когда народ России снова будет иметь возможность выбирать свободно», мы можем ему сказать вполне открыто:

— Если вы действительно имеете в виду свободные выборы, то они не за горами. А точнее, 16 марта текущего года. Приезжайте и убедитесь.

Но нет, он не приедет: издали врать безопаснее.

Недавно в гостях у «Крокодила» побывал польский писатель-сатирик, член редколлегии журнала «Шпильки» Анатолий Потемковский. На этой странице мы помещаем рассказы из сборника А. Потемковского «Споткания» («Встречи»).

Анатолий ПОТЕМКОВСКИЙ

Хорошо осведомленный

Беспальчику давно уже никто не верит, поэтому все только смеялись, когда он начал болтать о спичках.

— Почему же это спички должны пропасть? — удивился Зызя. — Производство идет полным ходом, у нас спичек больше, чем нужно.

— Потому, что Беспальчик — идиот, — сказал Метя. — Как директор оптового склада я могу заверить любого, что спичек у нас достаточно.

— Конечно, — поддакнули мы. — Из-за сплетен Беспальчика мы всегда оказывались в дураках. Беспальчик — антиобщественный тип.

— Совершенно антиобщественная скотина, — сонно отозвался кладовщик Кавчак. — Знай вертится повсюду, да пользы от этого мало.

Беспальчик как будто бы на нас обиделся. Встал из-за стола, отыскал буфетчицу Зосю, заплатил за свою четвертинку и горячую колбасу и, ни с кем не прощаясь, вышел.

— Нахальный тип! — сказали мы, глядя ему вслед. — Нам, работникам общественной торговли, серьезным людям, рассказывать такие вещи?! И к тому же в служебное время!

— Ничего, он получил хорошую отповедь, — сказал кладовщик Кавчак.

Когда спустя час мы стояли в очереди перед табачной лавочкой, только и разговоров было что о Беспальчике.

— Он срамит весь город! — взволнованно говорил кассир Баранек. — Люди верят глупым сплетням и тратят время на стояние в очередях.

Как бы в подтверждение этих слов появился запыхавшийся Пацевский со своим шурином.

— Что это? — удивился он. — Очередь за папиросами?

— Да нет, — возразил Зызя. — Беспальчик болтает, что спичек скоро не будет, да только это так, сплетня, и больше ничего. Спекулянтские штучки!..

— Беспальчик — отвратительный тип, — сказал Пацевский, занимая вместе с шурином место в очереди. — Вечно панику разводит.

— Так зачем же вы встаете в очередь? — рассердился Метя. — Если я, директор оптового склада, говорю вам, что спичек много, то можете идти домой. Нечего толкотню устраивать!

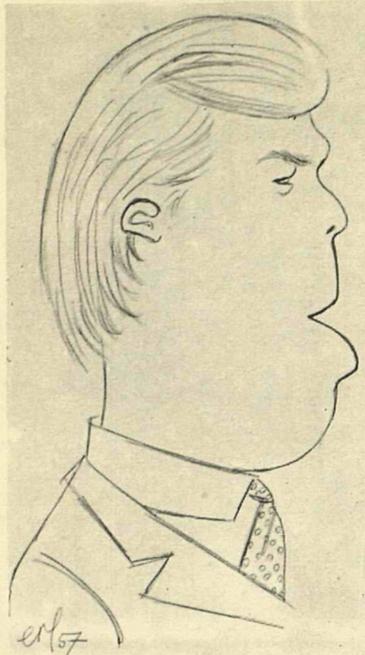
— Да, но ведь пан директор сам стоит, — ядовито заметил Пацевский.

Метя побагровел. — Я, гражданин Пацевский, стою как частное лицо, а не как директор, — сказал он уничтожающе. — Сейчас внесл служебное время!

Пацевский, не зная, что сказать, глуповато заморгал глазками, но тут мы уже подошли к прилавку. Мы купили по пять коробок спичек и снова встали в конце очереди.

— Что за люди! — воскликнул Метя, глядя на растущий за нами хвост. — Достаточно глупой сплетни — и уже целый город стоит в очереди! Полное отсутствие сознательности! Чтобы с такой удивительной легкостью слушать любого болтуна? Как могут пропасть спички? Ведь мы-то знаем лучше. Спичек до черта!

— Темный народ, — вздохнул Кавчак. — Можно им толковать сколько угодно, все равно не поймут.

Дружеский шарж Эрика ЛИПИНСКОГО.

— Во всяком случае, — сказал Зызя, — этой сплетне следует объявить решительную борьбу. Нужно будет завтра на работе подумать об этом.

— Может быть, созвать конференцию, — предложил Кавчак. — С помощью общест-венности удалось бы...

Но в эту минуту к нам подошел Баранек. — Тут один предлагает частным образом тысячу коробок, — сказал он тихо.

— Почему? — спросил Метя.

— По прищипать грошей.

Мы быстро сложились, и Баранек сейчас же исчез с незнакомцем в воротах.

— Вот вам и спекуляция, дитя сплетни и отсутствия сознательности, — грустно сказал Метя, пряча бумажник. — Завтра же нужно будет организовать общественные тройки и приступить к энергичной кампании.

— С помощью разъяснительных мер можно многого добиться, — добавил Кавчак. — Если протянутая рука спекулянта наткнется на каменную стену сознательного отпора общества, то она повиснет в пустоте.

— Самое главное, чтобы все оказали солидарное сопротивление... — начал Метя, но не закончил, потому что какой-то хлыщ хотел было пролезть к прилавку без очереди.

Когда наша очередь снова подошла, продавщица отпустила только по три коробки на человека, а два часа спустя — уже только по две.

Утром следующего дня мы все занялись разработкой способов, как овладеть положением. Общественные тройки проводили оживленную кампанию против спекулянтов, пытающихся использовать временные затруднения. Несмотря на такую загруженность, нам все же снова удалось найти время, чтобы приобрести на свободном рынке тысячу коробок.

Зато в табачной лавочке около шести часов вечера спички уже кончились, хотя продавщица и отпустила только по одной коробке в соответствии с нашим утренним распоряжением.

В общем, оказалось, что на этот раз Беспальчик был хорошо осведомлен.

Удивительные люди

Я был еще в дверях, когда три продавца, вкочив, заняли позицию «смирно», а затем вдруг сломались в поклоне.

— Наше почтение пану! — воскликнули они хором. — Чем можем покорнейше служить?

— Я попрошу булочку...

— Моментик, прошу покорнейше булочку! — обрадовался один продавец. — Можно поподжаристей или немного побледнее?

— Скорее уж поподжаристей, — сказал я неуверенно, — но в конце концов это мелочь.

— Мелочь?! — ужаснулся продавец. — Желание покупателя для нас не мелочь! Покорнейше прошу поподжаристую булочку. Могу ли я еще чем-либо покорнейше служить?

— Спасибо, — сказал я. — Уже все.

Но продавец не сдавался.

— Может быть, маслица? — спросил он. — Есть замечательное масло. Сливочное. Покорнейше рекомендую... Килограммчик или хватит пол?

— Хватит пол.

— Покорнейше прошу полкилограммчика маслица. Чем могу еще покорнейше служить?

— Это все, — сказал я. — Спасибо.

— Покорнейше благодарю, — поклонился продавец. — Замечательный виноград мы вчера получили!.. Пожалуйста, может быть, эту кисточку взвесить? Или вот эту?

Я не знал, то ли пора мне обижаться, то ли еще нет; на всякий случай я решил держаться с достоинством.

— Нет, благодарю, — сказал я, — прошу подсчитать.

— Покорнейше прошу, — ответил удивительный продавец и молниеносно взобрался по лестнице к самым верхним полкам, почти под потолок. Спустил минуту он уже был снова внизу с бутылкой в руках.

— Настоящее зеленогорское, — с восхищением заметил он, — несравнимое!.. Самым покорнейшим образом прошу...

— Нет, спасибо.

— Чем же я мог бы тогда покорнейше служить?

— Право, уж и не знаю, — сказал я. — Может быть, вы помните какой-нибудь стишок на память?

— Очень просто. Помню из Адама Мицкевича «Редут Ордона» и «Оду к молодости».

Когда он закончил декламацию, то предложил мне еще поочередно: что-нибудь из рыбы, консервированную ветчину, потрошеную индейку, жареный кофе, ликер «Вал в Савойе», греческую халву, шоколад с ромом и фруктовые соки. Наконец он сдался и вручил мне счет.

— Покорнейше благодарим, — сказали в заключение коллеги удивительного продавца, — просим покорнейше нас не забывать.

Когда кассир выдавал мне сдачу, я заметил над прилавком две громадные надписи:

«Покупатель — это человек».

«Неделя отличного обслуживания».

Я вышел из магазина слегка потрясенный (без привычки такое перенести трудно!), но на другой день ко мне вернулось полное душевное равновесие, и я снова пошел в удивительный магазин.

— Добрый день! — сказал я. — Мне бы булочку...

Удивительный продавец поднял на меня изумленные глаза, но сейчас же вернулся к прерванному занятию, то есть к чтению романа в отрывках «Безумные ночи». Закончив очередной отрывок, он пошел к коллегам, играющим за прилавком в шахматы.

— А ты, Метя, давай конем, — сказал он, — ладей он не пойдет: ферзя откроет. А слонем...

— Будьте добры, булочку, — вмешался я, — поподжаристую.

— ...А слонем нельзя, пешка мешает. Ну, чего ты раздумываешь?

Я два раза кашлянул, а затем поднял глаза к вывеске над прилавком. К сожалению, надпись исчезла, а на ее месте появилась другая:

«Боритесь с вредителями наших лесов».

Я вышел из магазина тихонько, чтобы не помешать играющим.

Хотите, верьте, хотите, нет, но в тот же самый вечер я имел удовольствие еще раз увидеть этих продавцов на Маршалковской. Они шли на четвереньках самой серединой улицы. Как выяснилось, «Неделя правильного хождения по улицам» закончилась несколько дней назад.

Перевел с польского Н. МИЦКЕВИЧ.

НОВАЯ ПРОФЕССИЯ СЕРЖАНТА ХИСА

Уже давно доказано, что афоризм «Спасение утопающих есть дело рук самих утопающих» имеет универсальный характер.

Именно по этому принципу решили действовать недавно полисмены города Лимы (Перу). Доведенные до отчаяния все возрастающей дороговизной, они взмолились о помощи: попросили повысить им заработную плату. Беднягам, конечно, отказали. Тогда они обратились к более проверенному способу — объявили забастовку.

Английские полисмены из города Брайтона избрали другой путь повышения своего жизненного уровня. Они договорились с владельцами баров и ночных клубов о том, что за еженедельную «дотацию» будут смотреть на кое-какие их темные делишки сквозь пальцы.

Однако среди брайтонских полисменов нашелся человек — это был сержант Хис, — чья беспокройная творческая натура требовала новых дерзновенных предприятий. Недолго думая, сержант предложил уголовному преступнику А. Беннету вместе ограбить кассу большого универмага.

Утопающий хватается за соломинку. Сержант Хис схватился за отмычку... А что еще оставалось ему делать? Жить в нынешней Англии с каждым днем становится все труднее. В конце концов вряд ли кто-нибудь удивится, если в один прекрасный день телеграф принесет сообщение о том, что, например, карманники Манчестера объявили забастовку, требуя снижения налогов. В самом деле, непомерное бремя военных расходов так основательно опустошает карманы английских налогоплательщиков, что коллекционеры чужих бумажников стоят перед угрозой полной потери квалификации!

Хоть караул кричи! А впрочем, страшновато... Вдруг явится полисмен и обчистит?!
•

Не правда ли, сэр Джон?

Корреспондент американского агентства Ассошиэтед Пресс передал на днях из Буэнос-Айреса чрезвычайно волнующее сообщение.

Английский посол в Аргентине сэр Джон Гатри обратился к аргентинскому правительству с пламенным призывом одобрить идею демилитаризации Антарктики.

Самое последнее предложение подобного рода исходило, если нам память не изменяет, от Соединенных Штатов. Американцы требовали начать разоружение с межпланетного пространства. Теперь на первый план западной повестки дня выдвигается британское предложение — начать с Антарктики. Это уже, как говорится, ближе к жизни.

Без сомнения, демилитаризация шестой части света будет связана с немалыми трудностями. Обширность территории, суровость климата... Кроме всего прочего, не так-то просто будет демилитаризовать континент, который никогда не был милитаризован.

Есть, как известно, другое предложение — польское. Создать в Центральной Европе зону, свободную от производства и размещения атомного, водородного и ракетного оружия. Здесь, в Европе, и климат помягче и территория поудобнее. Да и в смысле злободневности... Так не начать ли с Европы, сэр Джон? А уж потом, накопивши опыт, и обратиться к антарктическим льдам — вернуться, так сказать, к вашим пингвинам?

Недавно индейцы городка Макстон (штат Северная Каролина) разогнали митинг местной организации ку-клукс-клана.

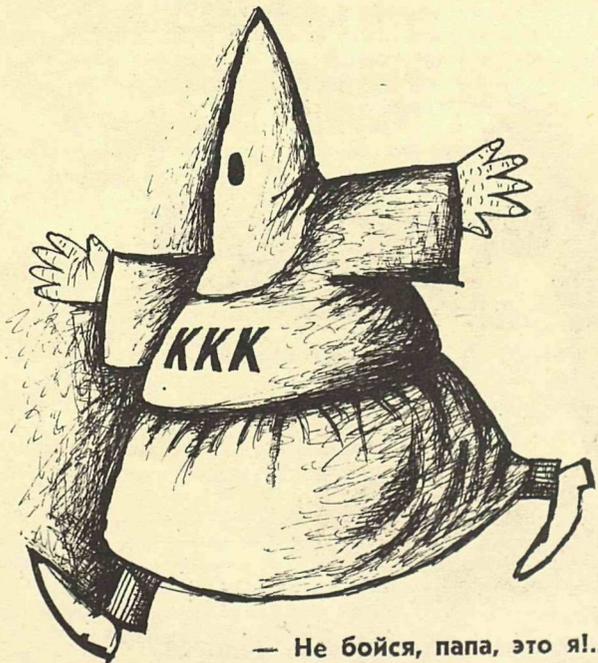

Рисунок Луи МИТЕЛЬБЕРГА (Франция) для «Крокодила».

Рисунок Збигнева КЮЛИНА из журнала «Шпильки» (Польша).

Премьер одной из западных стран пишет ответ на советские мирные предложения.

Великое открытие Роберта Уоллеса

— Какой кошмар! Русские побивают нас наукой!

Это сейчас в Соединенных Штатах самый модный вопль.

— Главная угроза для Америки — это упор, который делают в Советском Союзе на научное образование! — сотрясает своды Капитолия сенатор Фулбрайт.

Кричат, хватаясь за головы, дипломаты, голосят видные публицисты, бубнят охрипшие радиокомментаторы.

Однако до сих пор во всей этой демонстрации фальшивых страхов был существенный изъян: известная бессистемность, голая истерика без всякого теоретического фундамента, какая-то чересчур легковесная ололтелость.

Никто не брался хотя бы приблизительно определить, каковы подлинные масштабы «советской научной угрозы» в историческом аспекте.

Теперь, слава богу, все в порядке. Мучительная проблема решена одним взмахом лихого пера.

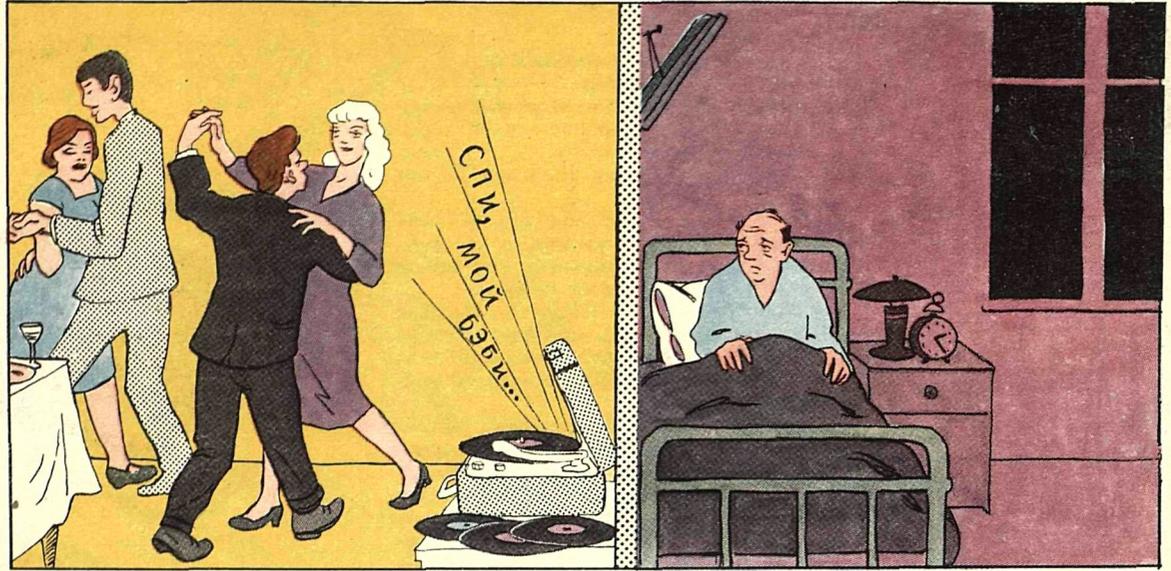
Перо принадлежит некоему Роберту Уоллесу из журнала «Лайф». Это он, глубокий аналитик, совершил головокружительный теоретический подвиг, начертав такие вещи слова:

«В конце второй мировой войны русские сознательно поставили своей целью завоевание мирового господства посредством науки».

Вот как сразу все стало просто и понятно! Одна фраза — и вопрос исчерпан. Не иначе как Роберт Уоллес, если перефразировать его же слова, поставил своей целью завоевание титула «знатока России» посредством самой заурядной лжи.

Крокодилы СМЕСЬ ЯКСОНОВ

Рисунок М. СОКОЛОВА.

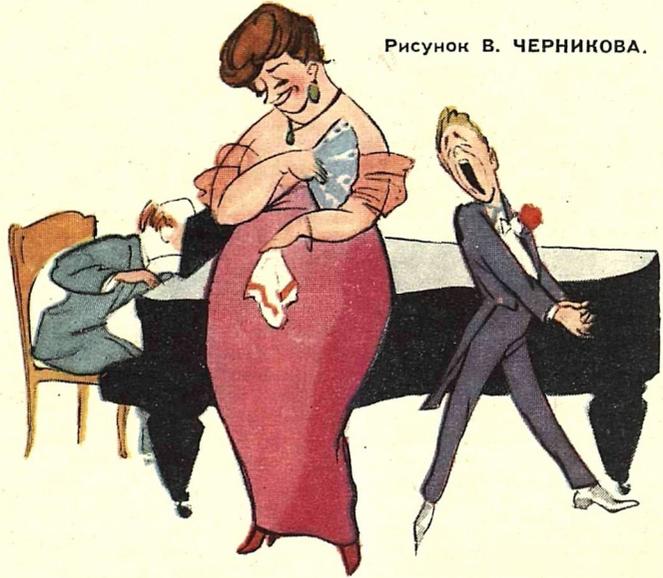
Ни сна, ни отдыха...

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

Успешное выступление тетки Авдотьи...

Рисунок В. ЧЕРНИКОВА.

— Скоро ты будешь, ангел мой, мою маленькую женой...

Рисунок И. СЫЧЕВА
по теме Г. Тарасова (Москва).

...и секрет ее тренировок.

— Когда валенки будут готовы!
— Загляните... в мае!

МУЗЫКАЛЬНЫЕ НОЖНИЦЫ

У моих друзей сын Вова защитил диплом и стал музыковедом. Приглашенный на семейное торжество, я начал перебирать в памяти всевозможные варианты подарков — от набора галстуков до набора ликеров. Когда ликеры уже совсем взяли верх над галстуками, меня вдруг осенила новая мысль. Ведь Вова стал музыковедом. Почему бы не купить ему в подарок альбом грампластинок с записями лучших образцов классической музыки?

Магазин граммофонных пластинок прилежал к себе светящейся вывеской.

— Прикройте, пожалуйста, двери,— обратился ко мне продавец, едва я переступил порог.

— Конечно,— согласился я,— на улице холодно, а вам здесь целый день работать...

— Холод — дело второстепенное,— проворчал продавец,— не в этом дело. Милиция предъявляет претензии. Говорят, шумно у вас. От музыки получается нарушение постановления Мосгорисполкома об уличной тишине.

— Действительно шумновато. Но что поделать? Покупатель любит прослушивать пластинки... У вас продаются записи классической музыки?

— Продаются. Только классическую у нас не прослушивают. Ее по этикеткам покупают. Здесь репертуар известный: Лемешев, Козловский, Шаляпин. «Евгений Онегин», «Риголетто», «Блоха». Чего их прослушивать?

— Может быть, вы и правы. Однако мне нужна не эта классическая музыка. Я бы хотел купить органную токкату Баха, «Реквием» Берлиоза, «Танец огня» Равеля...

— ...Концерт для скрипки Мендельсона, «Аппассионату» Бетховена,— сочувственно закивал головой продавец.— Понимаю, понимаю... Этого товара давно не держим.

— Почему?

— Ножницы не позволяют.

— Какие еще ножницы?

— Обыкновенные: музыкальные. Музыка идет по линии Министерства культуры, а грампластины — по линии Министерства торговли. Получаются ножницы. Записывает, например, студия грампластины Третьей концерт Бетховена в исполнении Эмиля Гилельса. Что дальше?

— По-моему, дальше надо продавать пластинки.

— Больно вы торопливы! Сначала эту запись включают в каталоги. Потом каталоги разошлют торгующей сети. Торгующая сеть отметит, какие пластинки, в каком количестве экземпляров она хочет иметь. И только эти пластинки заводы станут изготавливать. Понятно?

— Понятно. Значит, после того, как поступят заказы, заводы начинают изготавливать пластинки. Почему же их у вас нет?

— Ножницы мешают. Студия грампластины записывает Гилельса, а торговая сеть заказывает Бернеса.

— Но ведь среди покупателей не одни только поклонники Бернеса. Наверно, очень многие хотели бы иметь пластинки и Гилельса?..

— Так то же среди покупателей, а заказы дает торговая сеть. Заводам выпускать пластинки без заказов нет никакой выгоды.

— Значит, надо, чтобы заказы делали покупатели.

— Это как же так?

— Видимо, очень просто: обеспечить магазины каталогами выпускаемых пластинок. Покупатель выберет то, что его интересует, заполнит специальный бланк — и в магазин. А магазины все эти бланки — на заводы. И сразу станет ясно, сколько надо печатать пластинок Берлиоза, а сколько Мокроусова. И никому обидно не будет, и затоваренная музыка не будет пылиться на полках.

Продавец посмотрел на меня подозрительно.

— А вы случаем не гражданин Плоткин будете?

— Нет, а что?

— Тут к нам один гражданин по фамилии Плоткин ходит. Тоже все насчет классической музыки домогается. Письма пишет в разные организации. Почему, мол, недостаточно пластинок с записями классиков? Требуется расширить классический репертуар.

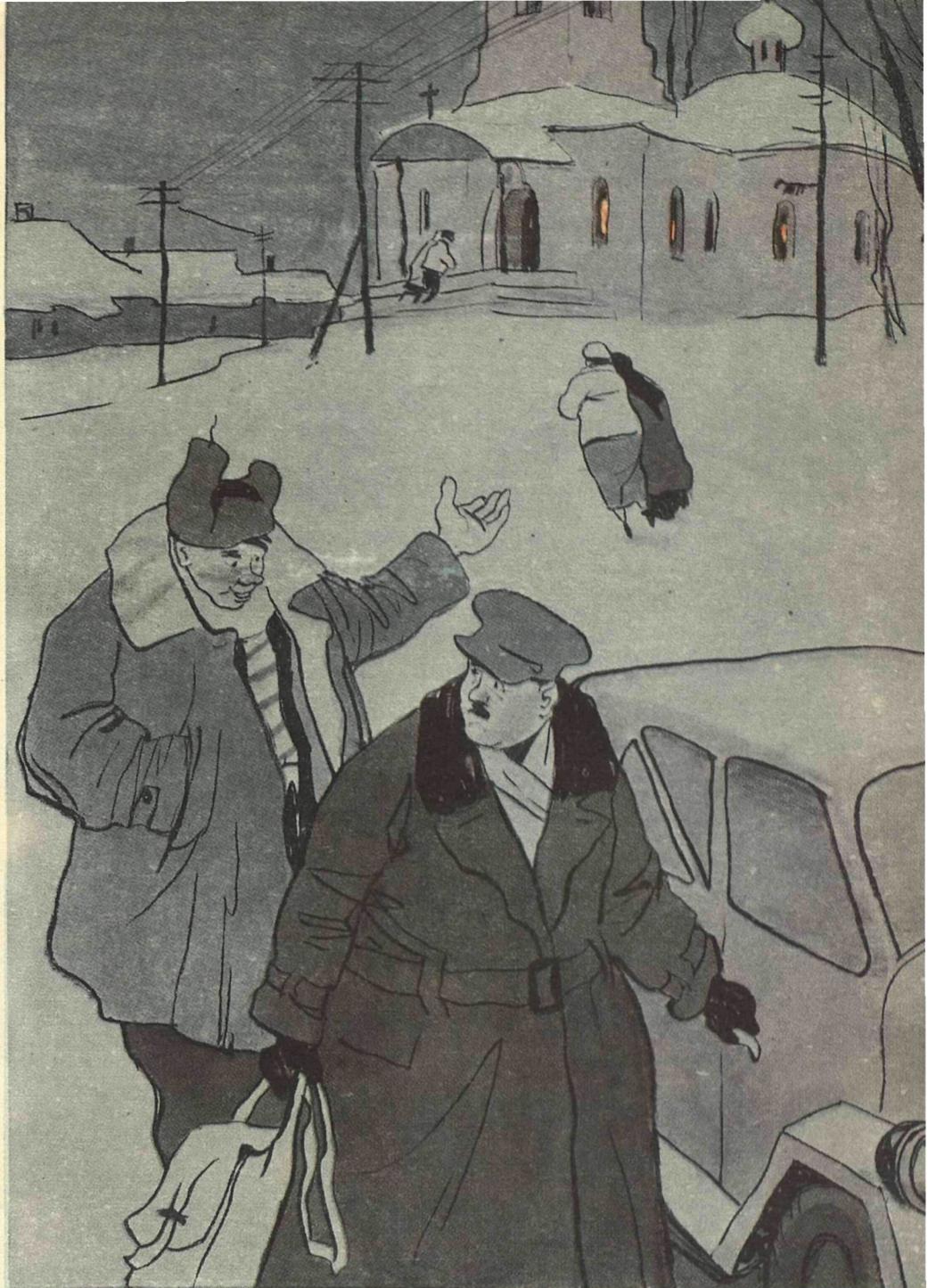
— Правильно пишет, и что получается?

— Ножницы получают.

— Опять ножницы?

— Вот именно. Пишет он в Министерство культуры, а ответы получает из Министерства торговли, из Главкульта, из Управления торговли промышленными товарами, из Мосторга. Очень сердится гражданин. Говорит: «Я пишу о музыке, а мне отвечают: «спрос», «торг», «покупатели», «меры». Слова какие-то немзыкальные...» Что ж, ему бемолями и дизезами отвечать, что ли?..

В это время разговорчивого продавца вызвали к заведующему. Его место за прилавком заняла девица с презрительным выражением лица и лиловыми губами.

БЫВАЕТ И ТАК

- А еще у нас есть замечательный хоркружок!
- Где его можно послушать!
- В церкви...

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

— Что вам? — деловито бросила она.
 — Что-нибудь из вокальной музыки.
 — Из вокальной есть Лазаренко, Дорда, Кравцова...
 — Нет, уж лучше дайте что-нибудь из инструментальной.
 — Из инструментальной могу дать «Польку» Полонского, «Румбу» Карамышева, «Вальс» Тихонова.
 — Это инструментальная музыка?
 — Конечно! «Полька» на ксилофоне, «Румба» на маринбафоне, «Вальс» на аккордеоне. По-вашему, это не инструменты?
 — Мне нужен Равель или «Море» Дебюсси.
 — Вы, гражданин, если чего не знаете, так не говорите. «Море» — это песня Дунавского на слова Аграняна. Есть еще песня Сорокина на слова Лившица, есть Терентьева, Богословского... Только ничего этого сейчас нет.
 — Может быть, хоть Бах имеется?
 — Это пожалуйста! Бах Татьяна из «Сильвы». Но я лично советую вам Шмьгу из «Поцелуя Чаниты». Эту берут больше.
 — Нет, спасибо. Дайте что-нибудь композитора Лядова.
 — Просто удивительно! — обратилась к подруге специалистка из системы Главкульта. — С виду, кажется, культурный мужчина, а сам понятия не имеет, что композитор Лядова не мужчина, а женщина.
 Я поблагодарил за разъяснение и покинул магазин. Увы, я не купил Вове альбом граммофонных пластинок с записями классической музыки. В магазине подарков мне завернули набор ликеров. Вечером я подниму тост за то, чтобы молодой музыковед, вступающий сегодня в жизнь, включился в борьбу против злополучных торговых музыкальных ножниц.

Н. ЛАБКОВСКИЙ

— Эх, поставили тебя в колхозе кладовщиком, а ты не справился. А еще опытный зоотехник!..

Виктор АЛДАНСКИЙ

С ДОПОЛНЕНИЕМ

Я зашел в один сельмаг,
Чтоб купить там самовар.
Продавец сказал мне так:
— Гражданин!
Такой товар
С дополнением продают:
Мы даем к нему хомут!..

Я купил бы и хомут,
Но одна загвоздка тут:

К сожалению, у меня
Не предвидится коня!

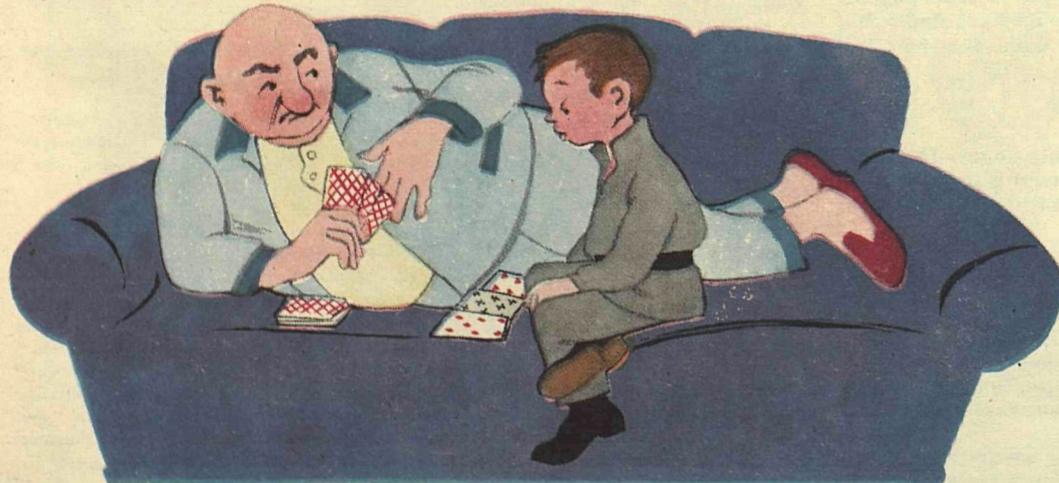
ШЛЯПЫ И ГОЛОВА

Покупает Вера шляпы новые,
Доверху заполнен ими шкаф.
Если б голова была толковая,
Разве нужно было б столько шляп!

Перевел с якутского
Николай ГЛАЗКОВ.

г. Якутск.

Рисунок Е. ГУРОВА.

— Чему вас учат в школе!! До двадцати одного сосчитать не можешь...

ЮРГИНСКИЙ «КОМПЛЕКС»

К пятиэтажному дому на одной из центральных улиц города Юрги, Кемеровской области, подъехала автомашина...

Тотчас же из расположенных по соседству школы и детского сада гурьбой выбежали ребята, наблюдая, как два милиционера безуспешно пытаются сгрузить с машины сопротивляющегося детину.

За этой живописной картиной с интересом наблюдает из окна сам председатель горисполкома Сергей Иванович Буйновский, ибо здание горисполкома находится рядом.

Для устройства вытрезвителя в Юрге не нашли ничего более подходящего, кроме дома, где размещены Госбанк, ателье мод, детская техническая станция и детская библиотека. В верхних этажах дома — жилые квартиры. Все это в совокупности с вытрезвителем, по мнению горисполкома, и образует, должно быть, единый культурно-бытовой комплекс. Расположенные рядом с этим зданием средняя школа, детский сад и школа рабочей молодежи дополняют названный выше ансамбль.

К сожалению, горисполком недостаточно продумал всю эту композицию и допустил существенный проibel. Вот если бы, например, выселить детскую техническую станцию, а в ее помещении устроить бар с подачей горячительных напитков, то была бы достигнута значительная экономия в автотранспорте... для доставки клиентов в вытрезвитель!

ОТДЕЛАЛИСЬ

Экскурсоводы не воят сюда толпы любознательных приезжих. Экскурсанты не прикасаются с трепетным благоговением к этой колоннаде и не вдыхают торжественно аромат веков. Словом, это не храм богини Афины. Это кинотеатр.

Три года назад решил трест «Мордовстрой» заняться благоустройством города Саранска. Но вместо благоустройства получилось одно расстройство. Не для треста, а для любителей кино, конечно.

Ходят теперь мимо коробки жители с тоской во взоре и говорят:

— И всего-то осталось это здание отделать! Но руководители треста рассуждают иначе: — К чему отделывать здание, когда можно от него просто отделаться?!

Олег ГОНЧАРЕНКО.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

К моменту, когда пишутся эти строки, мы окончательно «затоварились». Мы — это Алтайский крайфо и все наши райфинотделы. Чем «затоварились»? Различными бланками, которые печатает в огромных тиражах и шлет нам с неиссякаемой щедростью Управление налогов и заготовок Министерства финансов СССР.

Пожалуйста, вот наглядный пример из области таких финансовых казусов... В Алтайском крае, как правило, платежи в бюджет поступают досрочно, и нам не приходится составлять акты на опись имущества. Но бланки этих актов мощным потоком текут и текут из Министерства финансов. На складах крайфо их уже девать некуда. А это, между прочим, не простые бумажки, а бланки строгого учета, — ни один экземпляр не может быть израсходован бесконтрольно. Ничего не поделаешь, приходится «разгружаться» и посылать их в районы. Но и там уже полным-полно: в некоторых районах (например, Алейском) образовались запасы этих бланков ни больше, ни меньше как на 90—100 лет вперед! То-то удивятся, обнаружив их, наши внуки или правнуки! Чего доброго, еще подумают, что их предки были сплошь злостными неплательщиками, у

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

которых то и дело описывали имущество.

Что же касается нас, современников, то мы с грустью думаем о другом: о том, сколько сотен тысяч рублей расходуется на изготовление и почтовую пересылку явных излишков такой «печатной продукции»; и еще о том, что поучиться экономить государственные финансы не мешало бы и некоторым деятелям Министерства финансов.

Л. ЕЛОВИКОВ,
старший ревизор-инспектор
Алтайского крайфо.
г. Барнаул.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Нет ли среди твоих близких друзей и знакомых дрессировщика мелких грызунов? Такой человек мог бы оказать неоценимую помощь счастливым владельцам автоматической крысоловки системы Тышлеева, выпускаемой Белогорским райпромкомбинатом (Крымская область).

Дело в том, что входное отверстие этой ловушки чрезвычайно

мало: в нем всего 4 сантиметра. Между тем высота туловища и головы обыкновенной крысы достигает от 4,5 до 7 сантиметров. Таким образом, белогорская ловушка рассчитана на недоразвитых, хилых грызунов, которые помрут и собственной смертью. Нормальная же крыса может пролезть в такое отверстие только по-пластунски. Но для этого, разумеется, нужна специальная дрессировка.

Вот почему мы слезно просим прислать дрессировщика, ибо другими способами заманить грызуна в тышлеевскую ловушку нет никакой возможности.

П. ВИНОГРАДОВ
Калининград.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Знаешь ли ты, что значит переливать из пустого в порожнее?

Вот тебе яркий пример из жизни. Очень любят это малопроизводительное занятие работники «Даввинтреста». То есть настолько обожают, что заставляют и нас

на фабрике имени Бабаева заниматься тем же самым.

Выглядит это так.

Московский винный завод треста получает из солнечного Дагестана в бочках коньяк — сгусток солнца и кровь земли. На заводе коньяк из бочек разливают в пустые бутылки. Солидная доля звездчатых бутылок (тысяч 30 в год) поступает к нам на фабрику, а наш склад переливает их содержимое в порожние бочки.

Пробовали мы сократить извилистый путь коньяка, просили отпустить нам его прямо в бочках, как того требует наша технология. Пытались объяснить товарищам виноделам, что зря мы с бутылками время и деньги тратим; ведь нам в кондитерском производстве строго-настрого запрещено использовать сырье в стеклянной таре. Не соблазняет же, мол, вас такая начинка в конфетах, как осколки бутылочного стекла! Но виноделы и слышать ничего не хотят.

— Заводу, — говорят, — установлен розлив только в бутылки, и никаких бочек! (В смысле «и никаких гвоздей!»)

Так и булькает коньячок, переливаясь из пустого в порожнее.

И. СЕЛЕЗНЕВ,
начальник отдела снабжения
фабрики.

г. Москва.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, И. М. СЕМЕНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00541. Изд. № 20. Подписано к печати 27/II 1958 г. Формат бум. 70×108½. Заказ № 512.

Тираж 1 000 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

41 70 МАР 1958

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экземпль.
1958 г.

Рисунок Ю. ГАНФА.

УСИЛЕННОЕ ПИТАНИЕ.